

84(2Poc)6
Мн.г-44

Юрий Яковлев

**СЕМЕРО
СОЛДАТИКОВ**

Художник Генрих Вальк

Серия
«Любимая папина книжка»

Юрий Яковлев

СЕМЕРО СОЛДАТИКОВ

Сказка

Рисунки Т. Валька

Издательство «Речь»
Санкт-Петербург — Москва

2016

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)6
Я47

Текст печатается по изданию:
Юрий Яковлев. Семеро солдатиков. — М. : Детская литература, 1983.

Яковлев, Ю. Я.

Семеро солдатиков : сказка / Юрий Яковлев ; рисунки Генриха Валька. — Санкт-Петербург, Москва : Речь, 2016. — 72 с. : ил. — (Любимая папина книжка).

ISBN 978-5-9268-2201-1

Понедельник, Вторник, Среда, Четверг, Пятница, Суббота и Воскресенье... Это не просто дни недели, это имена семерых солдат, которые прибыли в село Петушки в гости к Олегу Комарову. К маленькому Олежке, которого все звали Олей и с которым никто не хотел дружить. Но, может, Олежка сам был в этом виноват? А солдатики — совсем не игрушечные, о которых изначально мечтал мальчик, а самые настоящие — помогли Олежке испытать себя и понять, что есть в нём и храбрость, и находчивость, и благородство...

Очаровательных героев этой сказки с определённой долей юмора и симпатией создал известный детский иллюстратор Генрих Вальк.

Издание осуществлено при содействии
Digital Soviet Art,
www.digitalsovietart.com

Обычно люди получают по одному письму в месяц, а случается, и полгода ждут весточки. А в редакцию пионерской газеты ежедневно приходят тысячи писем и поболее того. Письма привозят с почты в больших бумажных мешках. Читайте и отвечайте!

Напиш́ите письмо в газету, и вы обязательно получите ответ, напечатанный на пишущей машинке: «Здравствуй, дорогой Володя!..» или «Здравствуй, дорогая Сима!..»

История, которую я хочу вам рассказать, началась в отделе писем пионерской газеты. В большом бумажном мешке среди тысячи писем оказалось такое:

«Здравствуй, дорогая редакция!

Меня зовут Оля, хотя я мальчик. Я живу в Петушках. Дома у нас одни женщины: мама, бабушка Варвара, тётя Наташа, тётя Фрося и маленькая Валька. А папа мой на зимовке, хотя давно уже наступило лето. Ребята со мной не дружат, говорят, что я маленький. Зинка Пантера меня поколачивает, а Фомка Горчичник отбирает у меня самокат. Пришлите мне оловянных солдатиков. Пять или шесть. Лучше — семь. До свидания, дорогая редакция».

На конверте с зелёной маркой той же рукой был написан обратный адрес: село Петушки, дом Комаровых.

Это письмо никого особенно не удивило. В отделе писем привыкли ко всякому. Круглолицая сотрудница Лариса Кумачова заложила в машинку чистый лист бумаги, и пальцы её быстро забегали по круглым клавишам: тук, тук, тук...

«Здравствуй, дорогой Оля! Твоё письмо редакция получила. К сожалению...»

И тут к Ларисе подошла студентка-практикантка Ия и сказала: — Простите, можно я отвечу Оле, которая... мальчик?

Лариса удивлённо посмотрела на худенькую девушку, скорее похожую на школьницу, чем на студентку, и протянула ей конверт с зелёной маркой:

— Отвечай, если охота.

Весь вечер Ия сочиняла ответ мальчику Оле. Это оказалось нелёгким делом! Письмо получалось сухим, холодным, а такие письма не приносят утешения. В который раз девушка рвала листок на мелкие клочки и принималась писать снова.

За этим занятием её застал вернувшийся со службы папа — командир десантников.

— Стихи пишешь, дочка? — полюбопытствовал он.

— Какие там стихи! — вздохнула Ия. — Отвечаю на письмо одному не очень счастливому мальчику. Ты не знаешь, где можно купить оловянных солдатиков?

— Покажи-ка мне письмо твоего мальчика, — сказал отец.

Девушка охотно протянула ему листок, исписанный крупными буквами.

Командир десантников внимательно прочитал письмо мальчика и покачал головой:

— Тут оловянные солдатики не помогут.

Вдруг лицо его просветлело, и он сказал дочери:

— Я, кажется, что-то придумал.

— Ты напишешь ему ответ? — обрадовалась Ия.

— Я отвечу ему, — уклончиво сказал папа.

И долго ещё ходил по комнате, вполголоса напевая старую военную песню.

А на другой день с той же песней по дороге шли солдаты. Их было немного: шестеро рядовых и сержант. Всего семеро. Они шли дружно, в ногу, только один из них, молодой необученный, то, заглядевшись на что-то, отставал, то, задумавшись, натыкался на идущего впереди. Или путал ногу.

И тогда сержант сердился.

— Рядовой Суббота, раз-два, левой! — командовал он на ходу. —левой, а не правой!

У Субботы было худое, обветренное лицо и большие грустные глаза. Подстрижен он был под машинку, и от этого уши торчали в стороны.

Тут он загляделся на аиста, свившего гнездо в кроне старого тополя, отстал, и сержант снова прикрикнул:

— Суббота!

— Не суббота, а вторник, — отозвался стоящий на обочине дедушка в старой солдатской гимнастёрке с медалью на выгоревшей ленточке. На груди у него висел тяжёлый полевой бинокль.

— Это фамилия его Суббота, — пояснил сержант. — А вы не скажете, где здесь село Петушки?

— Да вон они, прямо на пригорке!

— Спасибо!

Маленькое войско зашагало полем, потом громынуло сапогами по мосту, подняло облачко пыли и вошло в село с весёлым названием Петушки.

— Подтянуться! — скомандовал сержант.

Шаги зазвучали громче, словно солдат стало больше числом. Когда же, пройдя по главной улице села Петушки, отделение поравнялось с домом Комаровых, сержант скомандовал:

— Отделение, стой! Раз-два!

Шестеро, как один, остановились.

— Нале-во!

Шестеро пар сапог щёлкнули каблуками. Пятеро солдат повернулись лицом к дому Комаровых, и только один повернулся в другую сторону. Это был всё тот же молодой необученный Суббота.

Оставив своё войско на улице, сержант подошёл к калитке, которая держалась на одной петле и слегка раскачивалась от ветра. Но прежде чем войти во двор, он достал из кармана бархотку и стал наводить на сапогах глянец, пока на блестящем носке не увидел своё отражение. И тут до его слуха донеслись возбуждённые голоса.

— Отпусти! Отпусти! — отчаянно звучал голос мальчика. — Не выкручивай руки, Пантера!

— А это тебе за Пантеру! — звучал в ответ низкий голос девочки.

— Пу-сти!

— Не пущу!

Сержант понял, что сейчас самое время войти. И распахнул калитку.

На середине двора в облачке пыли мелькали руки, ноги, головы. Казалось, человек действительно отбивается от разъярённой пантеры.

Сержант одёрнул гимнастёрку и кашлянул. Но никто не заметил его появления.

Тогда сержант набрал побольше воздуха и выдохнул:

— Здравия желаю!

Он так громко выкрикнул своё приветствие, словно здоровался с целым полком.

На мгновение облачко замерло, и сержант смог наконец разглядеть дерущихся: Пантерой оказалась девочка с чёрными блестящими глазами. Она вцепилась в волосы мальчика, а тот схватил её за руки и старался оторвать от своей головы. Увидев сержанта, девочка нехотя выпустила свою жертву.

— Что же ты это делаешь? — спросил сержант, когда девочка поднялась с земли.

— Бью врага на его территории, — ответила Пантера.

— Разве он враг?

— Все мальчишки враги! — убеждённо сказала драчунья и, опасливо косясь на незнакомца, легко перемахнула через забор.

— Здравствуй! — поприветствовал сержант мальчика, который отряхал пыль со своей одежды.

— Здравствуйте! — Мальчик тяжело дышал.

Его длинные, давно не стриженные волосы налезали на глаза и закрывали уши. От недавней схватки лицо было грязным, рубаха вылезла из штанов, а одна тапка потерялась. Два синих удивлённых глаза смотрели на нежданного гостя.

— Тебя зовут Оля? — спросил сержант.

— Оля. Только я мальчик, — на всякий случай предупредил маленький хозяин.

— Комаров?

— Комаров.

— В газету писал? — Сержант задавал вопросы и требовал точных ответов.

— Пи-писал.

— Оловянных солдатиков просил?

— Оловянных... просил. — Мальчик опасливо посмотрел на сержанта: «Может быть, нельзя было писать в газету и просить солдатиков?»

Но тут сержант утратил свою строгость и, как бы извиняясь, сказал:

— Понимаешь, какое дело, у нас в полку нет оловянных солдатиков. У нас только настоящие. — И сержант, как старшему начальнику,

доложил мальчику: — Отделение прибыло. Командир — сержант Воскресенье!.. Что ты собирался делать с оловянными солдатиками?

— Командовать, — ответил Оля.

— Ну что ж, — сказал сержант, — идём, я познакомлю тебя со своим отделением. Сегодня оно в твоём распоряжении, можешь командовать.

У сержанта были ровные, как две чёрточки, брови, а глаза холодные, то есть строгие. И весь он был аккуратный, подтянутый — настоящий военный.

Калитка закачалась на одной петле, а гость и маленький хозяин очутились на улице, где их поджидало отделение.

Солдаты стояли ровно, как по ниточке: пятки вместе, носки врозь, грудь четвёртого видна, звёздочка над переносицей.

— Вот твои солдатика, — сказал сержант Воскресенье Оле. А бойцам объявил: — Вот ваш командир. Слушайте и выполняйте все его команды.

И в ту же минуту произошло странное превращение: строй сломался, стал кривым-косым, а сами воины мгновенно заросли волосами — тёмными, светлыми, рыжими, у некоторых даже успела вырасти борода. Голубые береты съехали набок, пуговицы растянулись, гимнастёрки вылезли из-под ремня. Даже командир не узнал своё отделение!

Оля вопросительно посмотрел на сержанта.

— Каков командир, таковы и солдаты, — был ответ.

И мальчик с девичьим именем почувствовал, что сержант сам очень удивлён и расстроен.

Рядом с забором стояла бочка с водой. Оля медленно подошёл к бочке и с опаской заглянул внутрь. В круглой раме, как в зеркале, он увидел себя: грязного, заросшего, небрежно одетого. словно бочка с водой превратилась не в простое, а в кривое зеркало.

— Что же делать... товарищ сержант... Воскресенье? — упавшим голосом спросил Оля. — Может быть, мне помыться?

— Да уж, не мешает, — сказал сержант и скомандовал: — Рядовой Понедельник, ко мне!

И в то же мгновение перед сержантом вырос боец с лукавыми глазами, с впадинками в уголках рта, словно он собирался улыбнуться, но сдерживался. На нём был неизвестно откуда взявшийся белый халат, пахнувший одеколоном, а из бокового кармашка торчали гребёнка и ножницы.

— Под польку или под полубокс? — спросил боец-парикмахер. Вместо того чтобы ответить на вопрос, растерянный мальчик спросил:

— Вы парикмахер из военной парикмахерской?

— Я — солдат из отделения сержанта Воскресенье! — как по написанному ответил Понедельник, и ему очень захотелось улыбнуться, но он сдержался.

— Разве солдаты бывают парикмахерами?

— Солдаты бывают парикмахерами, а парикмахеры бывают солдатами. Начнём, пожалуй!

И в ту же минуту бочка превратилась в зеркало, пенёк — в кресло. И в руках парикмахера Понедельника, как большое странное насекомое, застрекотала машинка. Потом замелькала гребёнка, затанцевали ножницы. Казалось, парикмахер не стриг, а жонглировал своими инструментами, как артист цирка. Через несколько минут работа была закончена — из круглой рамы на Олю смотрел аккуратный, подтянутый, вполне симпатичный мальчик.

— Чем освежить? — спросил мастер. — «Шипр»? «Цветочный»? «Олимпийский»?

И, не дожидаясь ответа, из шипящего баллончика полил голову мальчика одеколоном.

Закончив свою работу, солдат-парикмахер положил в карман ножницы и гребёнку и доложил командиру:

— Товарищ сержант, ваше приказание выполнено. Разрешите встать в строй?

— Становитесь, — ответил сержант и, критически оглядев мальчика, заметил: — Теперь другое дело! Так как тебя звать?

— Олег Комаров.

— Вот именно, — подчеркнул сержант. — В крайнем случае — Олежа.

Когда мальчик вернулся к солдатам, перед ним стояли уже настоящие воины — подтянутые, почищенные, застёгнутые на все пуговицы, стриженные и бритые. Слово боец-парикмахер Понедельник заодно с Олежкой ухитрился постричь да ещё вдобавок побрить своих товарищей. Ну а подтянулись они сами.

— Теперь можно и познакомиться, — сказал сержант и стал выкликать солдат, и тот, кого он называл, звонко откликнулся: «Я!» —

делал шаг вперёд, а затем снова
возвращался в строй.

— Понедельник!

— Я!

Из строя вышел парикмахер
с лукавыми глазами. На нём уже
не было белого халата. Из па-
рикмахера он снова превратил-
ся в бойца.

— Вторник!

— Я!

Вторник оказался крепко сби-
тым солдатом, с загорелым ли-
цом, с широким носом, с густы-
ми тёмными бровями. Шаг у него
был тяжёлый, уверенный.

— Среда!

— Я!

Прежде чем шагнуть вперёд,
Среда откашлялся, словно соби-
рался запеть. У него были свет-
лые глаза, полное добродушное
лицо, на котором золотились
тонкие, завитые колечками усы.

— Четверг!

— Я!

Шаг вперёд. Щелчок каблу-
ками. Голова слегка приподнята.
Стройный, гибкий, пружинистый.
Сразу видно — разведчик.

— Пятница!

— Я!

У этого солдата были тёмные волосы, горящие глаза и чёрная полоска усов над губой. Он произнёс непонятное слово: «Рамбáвия!»* — и улыбнулся. И тогда под чёрной полоской появилась белая полоска — зубы. На плече у Пятницы висела походная рация.

— Суббота!

Молодой необученный, ещё не привыкший к военной службе, опять задумался, забыл ответить: «Я!» — и шагнул с опозданием. Исподлобья смотрел он на мальчика большими серыми глазами.

Когда все солдаты были представлены, сержант Воскресеньё сказал Олежке:

— Можешь командовать!

И тут Олежка растерялся. Ведь перед ним в строю стояли не оловянные солдатики, а настоящие бойцы. Взрослые мужчины. Они ждали его команды, которая должна прозвучать, как закон. Но вместо того чтобы звонко скомандовать, Олежка неуверенно произнёс:

— Пошли...

Никто даже не шелохнулся.

— Не слушаются, — посетовал маленький командир.

— Неправильно командуешь, — сдерживая улыбку, сказал сержант. — Надо так: «Отделение, направо!..»

— Направо! — пробормотал мальчик и очень удивился, когда солдаты выполнили его приказание. Правда, повернулись они не дружно, не по-военному. А последний в строю — Суббота — опять всё перепутал и повернулся не в ту сторону.

— Шагом марш! — тихо сказал мальчик.

Всё отделение зашагало направо, а молодой необученный — налево. Солдаты шагали всё быстрее, быстрее. Они стали удаляться с такой скоростью, что вскоре превратились в точку.

Сперва мальчик бежал за ними. Потом выбился из сил. И как на спасителя посмотрел на сержанта Воскресеньё.

---

*В переводе с грузинского может звучать как восклицание: «Вот так дела!»

— Ушли... Теперь они не вернут-
ся? Что делать, товарищ сержант?
— Командовать! — был ответ.
— Стойте! Слышите, стойте! —
закричал Оляжка вслед своим
солдатам.
Но те даже не оглянулись.
— Не слушаются! — пожаловал-
ся Оляжка.
И тут сержант Воскресеньев
скомандовал:
— Отделение! Отставить!
Команда взлетела под небо
и зазвучала на всю округу. И сра-
зу тёмная точка стала расти, при-
ближаться, превратилась в группу
солдат. Отделение стремительно
двигалось задним ходом, пока не
очутилось перед домом Комаровых.
— Стой! — скомандовал сер-
жант. — Раз-два! Налевое! Понят-
но?
— Ой! — Оляжка вздохнул об-
легчённо. — Я думал, не вернутся.
В это время с другой стороны,
пятясь, появилась Суббота.
— Суббота, Суббота, с тобой
одна работа, — вздохнул сержант
и строго сказал: — Быстро в строй!
— Извините, пожалуйста, — не
по-военному сказал молодой не-
обученный и встал в строй.

— А можно я ещё раз скомандую? — набрался смелости Олежка.
Сержант одобрительно кивнул головой.
На этот раз Олежка скомандовал громко и отчётливо:

— Шагом марш!

Солдаты как стояли, так и зашагали. Они шли вперёд развёрнутым строем, всё сметая на своём пути.

Упал забор. Загремели вёдра. Отлетела в сторону будка, из будки испуганно выскочила собака. Мальчик бежал за отделением. Он снова забыл, что надо сделать, чтобы остановить солдат, и только когда солдаты вплотную подошли к дому, вспомнил и крикнул:

— Отделение! Отставить!

И сразу солдаты попятились. И всё, что они смели со своего пути, встало на место. Подскочило ведро. Прыгнула на место будка. В неё вбежала собака. Поднялся заваленный забор.

— Стой! Раз-два! — выдохнул мальчик и вытер с лица пот.

Он вдруг почувствовал усталость, словно проделал большую работу.

— Трудно? — спросил сержант.

— Трудно, — согласился Олежка. — Я думал, что командовать легко, а оказывается...

Сержант скупой улыбнулся мальчику и сказал:

— Ничего. Я помогу тебе. Открывай ворота!

Заиграл невидимый оркестр, и солдаты, печатая шаг, вошли в Олежкин двор.

Сержант скомандовал:

— Отделение! Вольно! Разойдись! Пе-ре-кур!

Строй распался. Солдаты разошлись по двору.

Петух шумно захлопал крыльями и, взлетев на забор, стал круглым янтарным глазом разглядывать незнакомых гостей.

В это время до слуха мальчика откуда-то из-за дома долетели странные слова:

— «Оркестр»! «Оркестр»! Я — «Гитара»! Как слышите? Приём!

Олежка обошёл старую ветвистую грушу, которая росла посреди двора, и увидел Пятницу — радиста, который разговаривал с кем-то невидимым.

— «Оркестр»! «Оркестр»! Вас слышу хорошо. Докладывает «Гитара». Прибыли к месту назначения. Приступили к выполнению специального задания.

— С кем вы разговариваете? — спросил Олежка, глядя по сторонам.

— С «Оркестром», генацвали *, — ответил Пятница.

— А где гитара?

— Мы и есть «Гитара»! — воскликнул Пятница и, нагнувшись к Олежке, доверительно сказал: — «Оркестр» — позывной нашего полка, а наш позывной — «Гитара». Только молчок. Военная тайна.

— Он поднёс к губам палец.

А потом Олежка подошёл к Среде и спросил:

— Почему никто не курит, ведь скомандовали «перекур»?

— Мы все некурящие, — ответил солдат, — а команда осталась старая... как для курящих. Перекур — значит отдых. Переменка.

— Когда пойду в школу, — сказал Олежка, — тоже буду переменуку называть перекуром.

— А вот этого делать не следует, — покачал головой Среда. — У нас свои дела, у вас — свои.

Тут Среда нагнулся и сорвал какую-то травинку.

— Острекáвит! ** — крикнул Олежка, решив, что Среда сорвал крапиву.

* Генацвали — дорогóй (груз.).

** Острекáвит — обожжёт; от стрекáвить — обжечься крапивой.

— Это глухая крапива, яснотка, — спокойно сказал боец. — Посмотри, какие у неё белые душистые цветы.

И Олежке показалось, что Среда обыкновенную жгучую крапиву превратил в ароматный цветок.

А задумчивый Суббота в это время стоял в стороне, и его большие серые глаза были полны печали. Олежка подошёл к нему и участливо спросил:

— У вас что-нибудь болит?

— Скучаю по дому, — вздохнул Суббота. — И давно писем нет от младшего брата. Его тоже зовут Олежка. Он похож на тебя.

— Почему похож? — удивился мальчик.

— Все мальчики чем-то похожи. Как солдаты, — сказал молодой необученный.

И тогда Олежка внимательно посмотрел на него и предложил:

— Хотите, я буду писать вам письма?

Глаза Субботы сразу повеселели:
— Я получу письмо, а внизу подпись: «Олежка».
— Буду писать каждую неделю, — пообещал Олежка. — Как будто вы мой старший брат и служите в армии.

А в это время высокий, плечистый Вторник сдвинул голубой берет на затылок, подбросил молоток, поймал и начал стучать. Починил калитку, укрепил забор, прибил перильца, выпрямил помятое ведро. Он стучал громко, словно в такт музыке, которую никто, кроме него, не слышал. И там, где он постучал молотком, всё становилось крепче, надёжней, исправней. Он вытаскивал старые ржавые гвозди из ненужных досок и вгонял их в штакетник забора, и гвозди начинали новую службу.

— Если вытащить из гнилых досок все старые гвозди и вбить их куда надо, вся жизнь станет крепче, — объяснил он удивлённому Олежке.

За несколько минут с помощью одного молотка солдат Вторник преобразил весь дом Комаровых.

— А я думал, что солдаты только стреляют, — тихо сказал мальчик. Вторник улыбнулся.

— Солдат всё должен уметь, на то он и солдат!

Неожиданно к Олежке подошёл разведчик Четверг и доложил:

— Обнаружен наблюдательный пункт противника.

— Зинка, — не задумываясь сказал Олежка. — Пантера. Всегда за мной подглядывает. Там, в заборе, есть дырочка.

— Она не за забором, — ответил Четверг и обратился к сержанту: — Разрешите действовать?

— Действуй!

Тогда Четверг собрал своих товарищей, и они стали трясти старую грушу. Через некоторое время с ветки на землю свалилась... Зинка.

— Я бы не нашёл, — признался Олежка.

— Разведчик видит то, чего никто не видит, — пояснил Четверг и повернулся к Зинке: — Ты что здесь делаешь?

— Веду наблюдение на территории противника, — нимало не смущаясь, ответила девочка.

— Что же тебе удалось узнать... на территории противника? — спросил Четверг.

— Узнала военную тайну. «Оркестр!» «Оркестр!» Я — «Гитара!» «Оркестр» — это...

— Молчи! — крикнул Олежка и бросился к Зинке.

— Не буду молчать!

И снова клубок рук, ног, голов покатился по пыльному двору.

Неизвестно, долго бы продолжалась эта схватка, но тут прозвучал грозный голос сержанта Воскресенье:

— Отставить!

Что на военном языке означает: «Прекратить».

В следующее мгновение Зинка уже сидела на заборе.

— Не беспокойтесь! — крикнула она сержанту. — Я военную тайну никому не выдам.

— Правильно рассуждаешь, Зинаида, — сказал сержант.

— А вы всегда здесь будете?

— Как прикажут.

— Кто прикажет?

— Командир Олежка.

— Олежка! Командир? — Глаза девочки расширились от удивления. — Теперь его и поколотить нельзя?

— Да уж, — сказал разведчик, — нельзя.

Зинка вздохнула и исчезла.

Хлопнула калитка, и во двор вошёл дедушка в старой военной гимнастёрке с медалью на выгоревшей ленточке. На груди у него висел тяжёлый полевой бинокль.

— Вы не видели мою внучку Зинаиду?

— Только что была здесь, — сказал сержант.

— Значит, теперь она уже далеко, — вздохнул дедушка и стал смотреть в бинокль. — Я без этого бинокля как без рук, вернее, как без глаз. На войне следил за разрывами снарядов, а теперь веду наблюдение за внучкой... Вот она! Залезла на телеграфный столб... Зина! Зинаида! Слезай сейчас же, а то опять телефон в сельсовете не будет работать!

С этими словами дедушка быстро пошёл прочь.

А рядовой Четверг усмотрел в углу двора турник, налаженный Олежкиным папой, когда он ещё не был на зимовке. Подошёл, поплевал на руки и, подпрыгнув, ухватился за перекладину. И тут

он стал выделывать такие номера, что Олежке даже жутко стало от его головокружительных трюков.

Четверг вертелся, как крыло ветряной мельницы, замирал на вытянутых руках, стремительно падал и снова взлетал. А потом он оторвался от перекладины, несколько раз перевернулся в воздухе и мягко приземлился.

— Вы военный физкультурник? — спросил его Олежка.

— Просто солдат, — ответил Четверг. — А вообще я люблю играть в футбол. У тебя нет мяча?

Не было мяча у Олежки, и он только головой покачал.

Тут сержант Воскресенье посмотрел на часы и скомандовал:

— Отделение, становись!

И через мгновение маленькое войско замерло в строю.

— Уходите? — невесело спросил Олежка.

— Нам пора. Нас ждут на боевых учениях, — ответил сержант. — А у тебя есть к нам просьба?

— Есть, — вздохнул Олежка. — Вы Горчичника знаете? Не знаете? Он меня обижает... Пойдёмте вздуем его!

И тут произошло неожиданное: сержант опустил голову, и все солдаты притихли.

— Вы его тоже боитесь? — спросил Олежка.

— Чего нам бояться твоего Горчичника, — усмехнулся Среда и стал накручивать на палец свой золотой ус.

— Тут, генацвали, вопрос сложный, — сказал Пятница.

— Я думал, солдаты всё могут, — вздохнул Олежка.

— Мы многое можем, — сержант поднял голову, — даже жизнь можем отдать, если Родина потребует. А вздуть твоего Горчичника не можем.

— Он такой... страшный... Горчичник?

— Нет, Олежка. Дело в другом. Советские солдаты никому не мстят. А в обиду мы тебя не дадим.

И все солдаты, как один, сказали:

— Не дадим в обиду!
— А теперь нам пора, — сказал сержант, — но ты не вешай голову. Мы всегда будем рядом с тобой. В трудную минуту ты только шепни: «Солдатики, солдатики, — мои родные братики!» — и мы обязательно придём.

И сержант скомандовал:
— Отделение! Нале-во! Шагом марш!
Заиграл невидимый оркестр, и бойцы зашагали к себе в часть, где их ждала таинственная военная жизнь.

Олежка сделал несколько шагов вслед за своими новыми друзьями и остановился. Он провожал их взглядом, пока они шли по Петушкам.

На другой день с утра шёл дождь, а потом распогодилось, туча порвалась, и выглянуло солнце.

На спортивном поле, за школой, ребята играли в футбол. Мяч взлетал и опускался, катился по мокрой траве, а когда попадал в лужу, поднимал брызги и останавливался. Но куда бы ни залетал мяч, ребята оказывались рядом с ним, словно он был магнитным и притягивал их. Удар — все бегут налево, удар — все бегут направо.

И вдруг ещё один удар, и мяч оказался в воротах, а вратарь — на земле.

— Мазила! — закричали ребята.

— Защита подвела! — оправдывался вратарь.

Все принялись искать виновного. А другая команда радостно кричала, и все хлопали по плечам того, кто метким ударом послал мяч в угол ворот соперника.

И вот тут на краю поля появился Олежка. Он тоже кричал и прыгал. А потом попросил:

— Возьмите меня... поиграть.

— Мал ещё! — отозвались с поля. — И каши мало ел!

— Я много... много ел каши... Я умею бить по мячу.

И тут рядом с Олежкой очутился Фомка Горчичников, или просто Горчичник.

— Хочешь сыграть? Найди себе команду. Мы навывлет играем. Вот забьём ещё гол, можем сыграть с твоей командой.

И Горчичник засмеялся противным смехом.

— Где я найду команду? — тихо произнёс Олежка.

Но судья уже свистнул, и мяч залетал над полем, запрыгал, покатился по траве, а за ним помчались обе команды.

Олежка загрустил. Он вдруг вспомнил своих друзей. «Солдатики, солдатики, — мои родные братики!» — прошептал он, и в то же мгновение в небе послышался стрёкот, и мальчик увидел, как из-за леса выплыл вертолёт защитного цвета с красной звездой на фюзеляже.

Некоторое время ребята ещё играли, но потом остановились и, задрвав головы, стали смотреть в небо. Даже вратари забыли, что им надо охранять ворота. А вертолёт долетел до Петушков, повис над футбольным полем и вдруг стал спускаться.

— Ура! — закричали ребята.

Поднялся страшный ветер. Трава пригнулась, мяч сам отлетел в сторону, и вертолёт мягко опустился на землю. Дверка распахнулась, и на поле один за другим выпрыгнули семеро десантников. Сержант подошёл к Олежке и сказал:

— Мы тебе нужны? Вот, прибыли.

Олежка увидел своих знакомых, и сердце его радостно заколотилось. Мальчик заметил, что невысокий, крепкий Четверг держит под мышкой футбольный мяч — настоящий футбольный мяч, сшитый из чёрных и белых кусочков кожи.

В следующее мгновение вертолёта не стало, а на семерых воинах вместо военной формы появились красные футболки, белые трусы и тяжёлые бутсы. А шаровары и гимнастёрки, аккуратно сложенные, лежали на краю футбольного поля, и сапоги стояли как по линейке — пятки вместе, носки врозь.

Рядовой Четверг стал подбрасывать мяч с ноги на ногу, потом принял его на голову, потом с плеча на плечо и с колена на колени. Он проделывал это так легко и ловко, словно был артистом цирка. И наконец так сильно ударил ногой, что мяч взмыл вверх, пропал из вида и долго не возвращался на землю.

Когда же мяч вернулся, стукнулся о землю и подпрыгнул, невидимый оркестр заиграл марш:

Эй, вратарь, готовься к бою!
Часовым ты поставлен у ворот!

В ту же минуту Олежка почувствовал, что на нём тоже красная футболка, белые трусы, а на ногах футбольные бутсы.

— Вот моя команда, — сказал Олежка Горчичнику. — Сыграем?

Горчичник хотел что-то ответить, но был так удивлён происходящим, что не мог выговорить ни слова. Только погладил рукой мяч и пробормотал:

— Настоящий... Высшая лига...

А сержант Воскресенье уже вышел на середину поля. Олежка узнал его, хотя на сержанте была чёрная судейская форма. Раздался свисток. Игра началась.

В воротах стоял Пятница. И каждый раз, когда ему удавалось поймать или отбить летящий в ворота мяч, он восклицал:

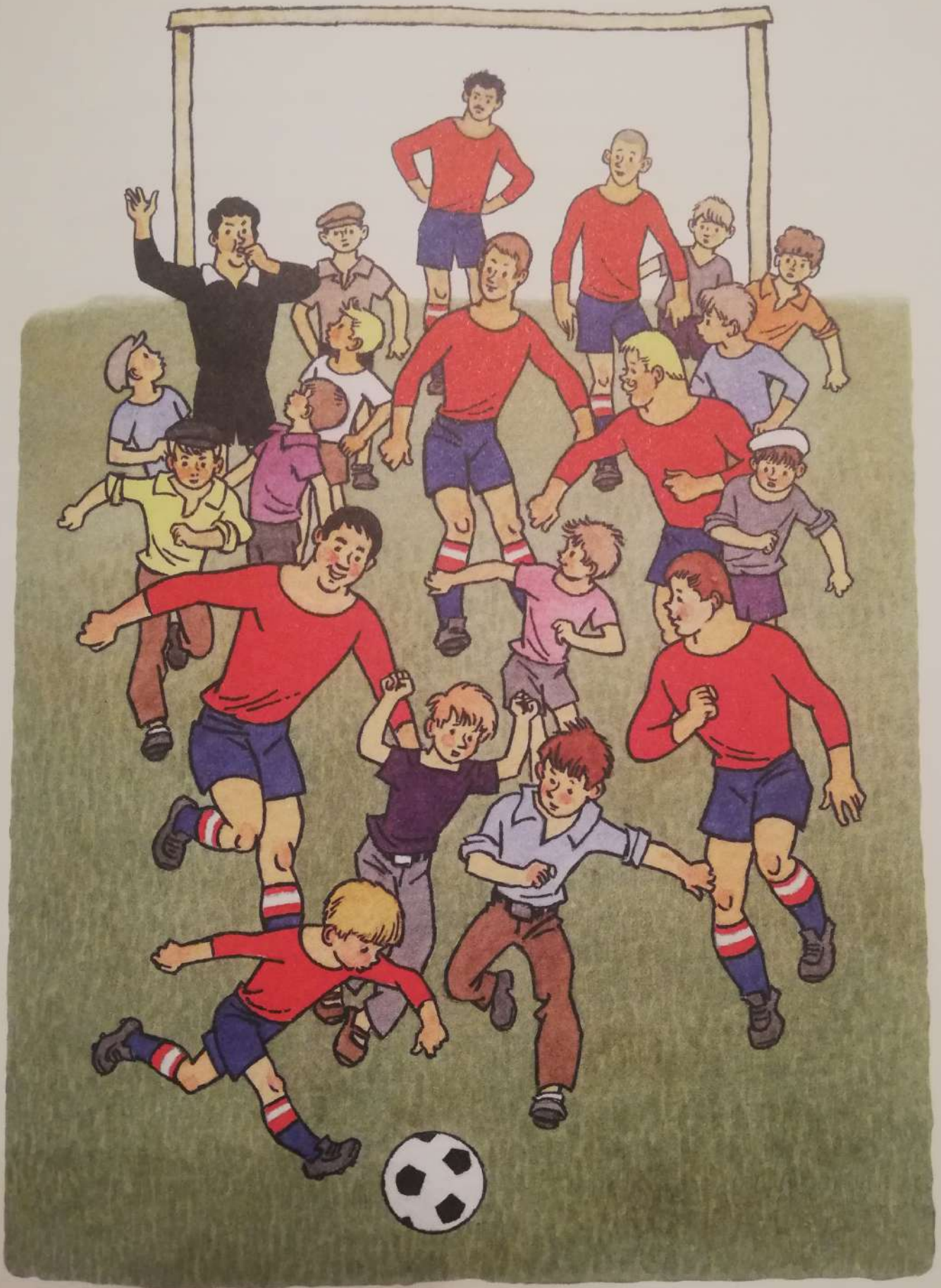
— Рамбавия!

Это было его любимое словечко.

Игра шла полным ходом. Олежка часто бил по мячу, потому что друзья-солдатики выкатывали мяч ему под ногу. Но бил он по воротам неумело, и мяч часто летел мимо. Олежка огорчился, но тогда рядом звучал голос Четверга:

— Не беда... Мы с тобой потренируемся. А сейчас — держись!

И Олежка устремлялся вперёд, катя перед собой мяч. Когда Олежка остановился и огляделся, то был поражён: все жители Петушков собрались на футбол. Поле было окружено тесным кольцом

односельчан. Прошёл слух, что из города приехала футбольная команда, военная команда высшей лиги.

Игра была в полном разгаре. Мяч взлетал и падал. Он катился по траве и прыгал по лужам. А иногда попадал прямо в зрителей. И тогда трибуна выпускала один огромный дружный вздох.

Несколько раз мяч побывал в воротах. Один раз даже Олежке посчастливилось забить гол. И все зрители дружно хлопали ему, и сидящая на краю поля Зинка, забыв про вражду, тоже изо всех сил била в ладоши.

Но вот сержант Воскресенье, он же судья матча, посмотрел на часы и громко свистнул в свой судейский свисток.

Поле опустело, зрители разошлись, вертолёт, размахивая тяжёлыми лопастями, поплыл низко над землёй, унося с собой семерых бойцов. И вместо гудения его мощные двигатели исполняли марш футболистов:

Ты представь, что за тобою

Полоса пограничная идёт...

На другой день Олежка сидел на крылечке и рассматривал картинки букваря.

В это время распахнулась калитка, и во двор вбежала тётя Фрося. Она тяжело дышала, а глаза у неё были заплаканные.

— Он опять сбежал в лес, — всхлипывая, сказала она Олежке. — Что я теперь буду делать?

— Кто сбежал, тётя Фрося? — спросил мальчик.

— Прометей! — сказала она и опустилась на крылечко рядом с племянником.

Так они сидели, и каждый думал.

И вдруг Олежка сказал:

— Я пойду поищу его.

— Ты? — Тётя Фрося удивлённо посмотрела на мальчика. — Разве ты сможешь поймать быка? Он ещё забодает тебя.

— Я попробую, — сказал Олежка и встал.

— Не смей! Это так страшно! — воскликнула молодая тётя и тоже встала.

— Я никогда не ловил быков, — ответил Олежка, — может быть, это не так страшно.

И он зашагал к калитке.

Едва Олежка вошёл в лес, как его со всех сторон обступили высокие деревья. В лесу было прохладно и тихо. Только перекликались птицы да крепким клювом постукивал по стволу дятел.

Олежка медленно шёл по тропинке, останавливался, прислушивался. И чем дальше углублялся в чащу леса, тем тревожней становилось на душе. Мальчик уже собирался повернуть обратно, но вспомнил о своих друзьях-солдатиках, и ему стало неловко возвращаться. Он только прошептал:

— Солдатики, солдатики, — мои родные братики.

Едва он произнёс эти слова, как густая высокая ель вдруг заговорила знакомым человеческим голосом:

— Я здесь, Олежка! Узнаёшь меня? Я — Суббота... молодой необученный... Веду наблюдение.

Мальчик поднял голову, но никого не увидел. Сквозь ветви просвечивало небо. Голубое перемешивалось с синим. И тонкие солнечные лучи били в глаза. Тогда он позвал сына Грузии:

— Пятница!

— Я здесь, генацвали! — отозвался куст орешника, и одна веточка дрогнула. Но это была не веточка, а антенна.

Разведчик Четверг отозвался из корней вырванного из земли пня. А когда Олежка позвал Среду, в ответ тонко засвистела птица: «Фью, фью...» Вторник и Понедельник не отозвались, — видимо, были далеко от места, где стоял мальчик. А голосом сержанта Воскресенье ответил свеженамётанный стог сена:

— Следуй за свистом птицы. Следуй...
Снова раздался тонкий, пронзительный свист, и, раздвигая ветви, Олежка зашагал на птичий голос. Этот голос уводил его всё дальше и дальше в лесную чащобу. Густые ветви сомкнулись за ним. Зелёный с сединой мох пружинил под ногами. «Фью! Фью! Фью!»

И вдруг кто-то совсем рядом крикнул:
— Ой! Ты отдал мне руку!
За большим вывороченным пнём, прижимая к себе корзину, лежал здоровый парень. Лицо его было бледным, а зубы слегка стучали, как от холода.

— Вы обнаружены, — объявил мальчик.

— Я... я не от тебя прятался, — сказал парень, отряхивая мох.

В этот момент ореховый куст дрогнул, и рядом с Олежкой появился Среда — превратился из птицы в солдата. На нём ладно сидел комбинезон цвета свежего сена с бурыми пятнами. Это была одежда военных разведчиков. В такой одежде легко слиться с травой, с кустами, с пашней и стать невидимым.

— Здравствуйте, здравствуйте, вы по какой части? — спросил Среда парня и заглянул в корзину. — Вы по грибной, а мы по иной. С кем в прятки играешь?

— С Прометеем, — ответил парень и спросил: — Оружие у вас есть?

Солдаты переглянулись:

— Зачем оружие?

— Для са-мо-о-бо-ро-ны, — парень по слогам произнёс это длинное слово.

— От кого обороняться? От быка? — засмеялся Среда. — Я всю жизнь прожил в деревне. У нас пастухи обходились без автоматов. Кнутом разве постегашь.

— Его кнутом не испугаешь, — мрачно сказал парень.

— Зачем пугать? Это тореадоры в Испании быков пугают. Где твой Прометей?

На поляне, со всех сторон окружённой березняком, стоял бык. Он был чёрным, без единого белого пятнышка. Тяжёлая голова, круглые, выпуклые глаза и короткие, словно обтёсанные топором, рога. Бык был неподвижен, как скала. И только хвост его покачивался, как маятник часов.

Сердце у Олежки забилося часто-часто. А Среда как ни в чём не бывало стал рвать какую-то травку, словно грозное животное вовсе

не интересовало его. Букет у Среды получился не очень красивым, и мальчик терялся в догадках, зачем Среде простая трава, когда вокруг так много ромашек, незабудок и колокольчиков.

— Вот, держи травку, — сказал Среда мальчику. — Это для быка лакомство. А теперь действуй.

Олежка вздохнул, печально взглянул на Среду и медленно зашагал к Прометею. И пока он шёл, из кустов, с веток деревьев, из травы до него долетали голоса друзей-солдатиков.

— Мы с тобой, генацвали... Мы рядом, младший братик...

Эти голоса придавали мальчику силы, и страх сморщился, сжался в комочек и почти совсем пропал. Держа в руке пучок сочной травы, Олежка подошёл к Прометею.

— Прометей... Прометеюшка... Проша, — приговаривал мальчик, словно говорил не с грозным зверем, а с маленьким. — Ты такой красивый, такой умный...

Сперва бык насторожился. Потом прислушался. Потом повернул голову к незнакомцу и повёл тёмным глазом. И тут Олежка протянул ему угощение. Прометей шумно втянул воздух, понюхал букет, легонько коснулся его губами и, отщипнув несколько травинок, принялся жевать.

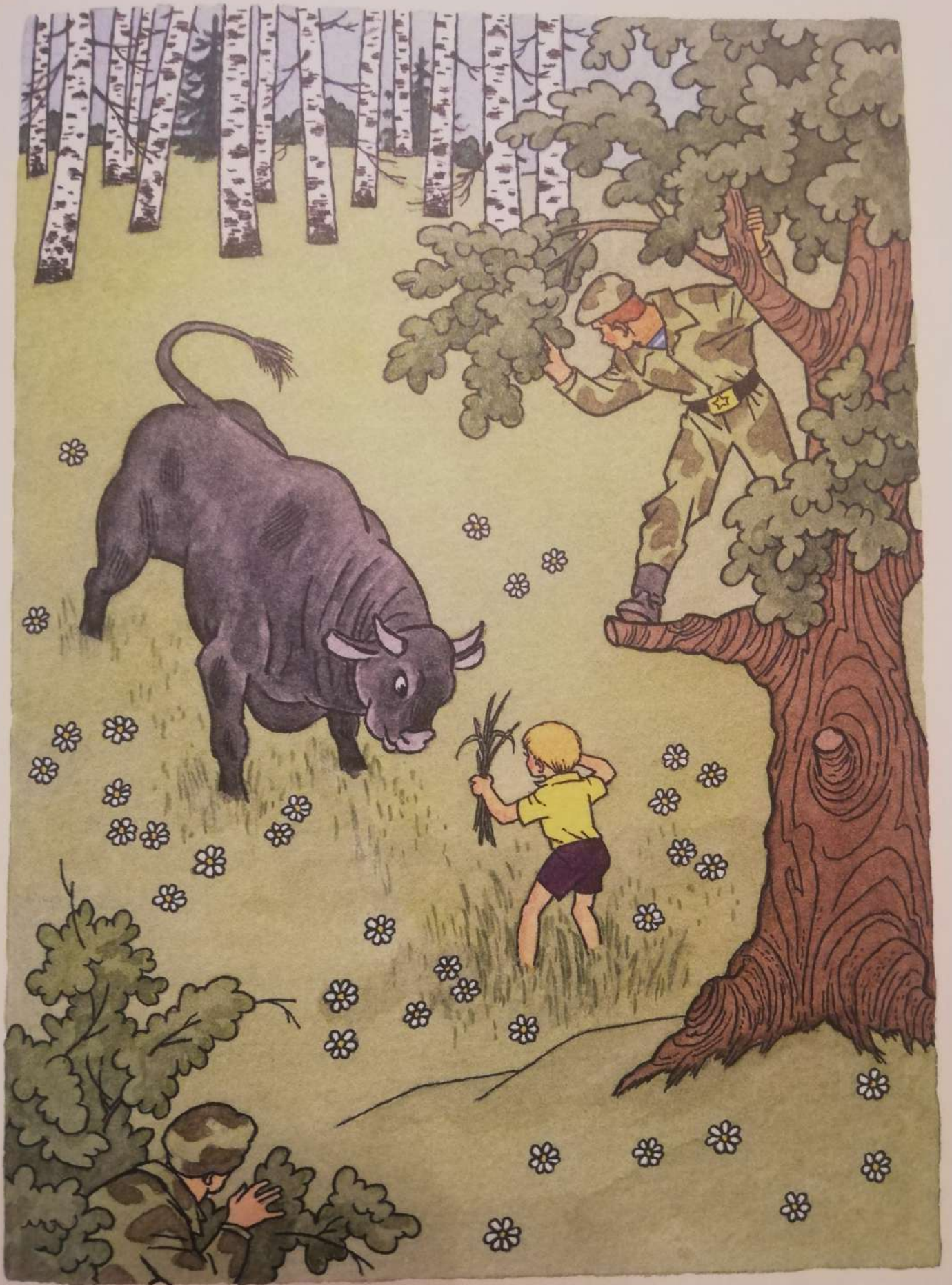
Так они стояли рядом — Прометей и Олежка.

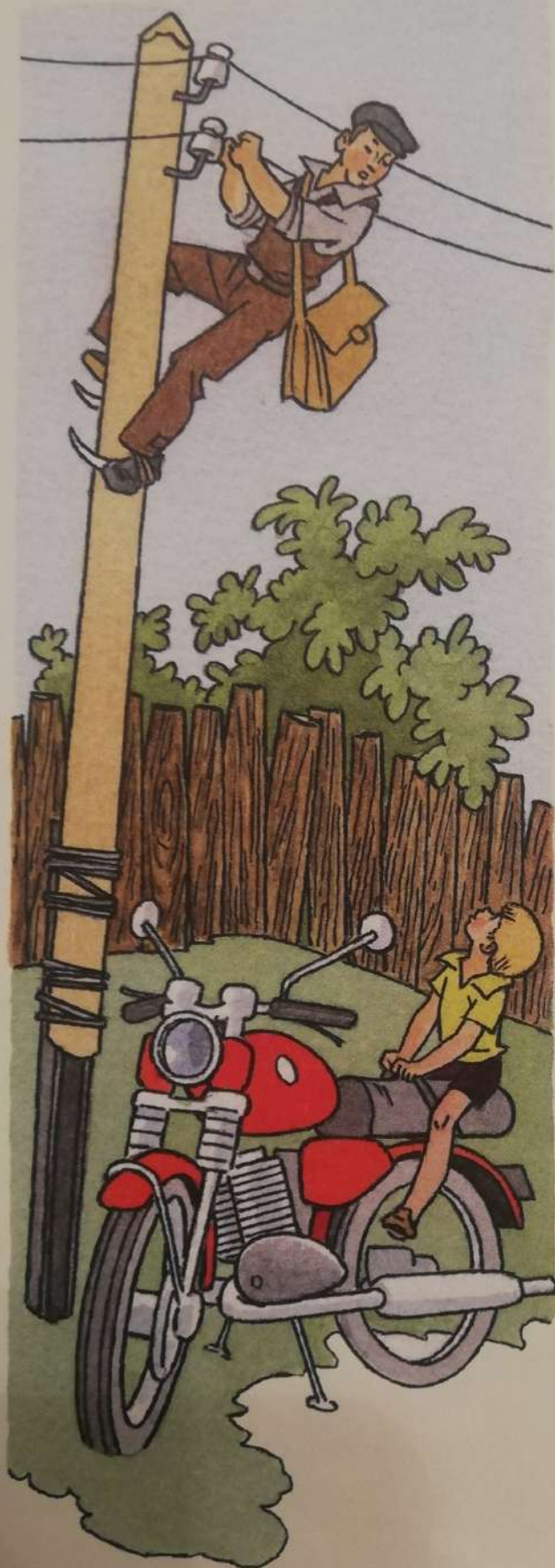
— Пойдём, что ли, — сказал мальчик быку, — покуролесил, пора и честь знать. Шагом марш!

И пошёл к лесу, ступая по мягкой траве.

Некоторое время Прометей смотрел ему вслед. Потом поднял голову, хрипло протрубил на весь лес и двинулся за Олежкой. Раз-два, левой! Раз-два, левой!

Впереди шёл Олежка в костюме военного разведчика, а за ним — грозный Прометей с зелёной травинкой на губах. За Прометеем — сержант Воскресенье со своим маленьким войском. А сзади — парень, который по грибной части.

Когда они вошли в Петушки, из всех окон и палисадников на них смотрели люди. Смотрели и удивлялись:

— Неужели это мальчик, которого, как девчонку, зовут Олей? Ай да Комарик! Ай да Комаров!

Пантера Зинка круглыми от изумления глазами провожала своего соседа. А Фомка Горчичников в раздумье чесал затылок.

— Как хорошо, когда в доме есть мужчина! — воскликнула молодая тётя Фрося и заплакала от счастья.

На следующий день, когда Олежка прибежал домой с озера, он увидел у ворот папкин мотоцикл. Мотоцикл был огненно-красным и сверкал на солнце. От него веяло радостью.

— Папка приехал! Папка! — закричал Олежка и, бросив удочки, подбежал к мотоциклу.

Не раздумывая мальчик забрался на заднее сиденье, куда обычно сажал его отец, когда они вместе отправлялись в путь.

Олежкина радость как бы передалась машине: мотоцикл с треском завёлся и весело загремел на все Петушки.

И вдруг откуда-то сверху донёлся чужой, незнакомый голос:

— Но! Не балуй! Сойди с машины!

Олежка задрал голову и увидел на столбе незнакомого парня, который чинил электричество. Это был его мотоцикл, а не папкин.

Оживший мотоцикл сразу выключился, утих. А на душе у Олежки стало нестерпимо горько. Он медленно побрёл домой. Вот тогда-то у него возникла мысль написать письмо отцу на зимовку.

Он достал тетрадку, из которой уже был вырван один листок. Уселся поудобнее. Вздохнул и, с трудом выводя большие, не очень-то ровные буквы, начал писать:

«Здравствуй, дорогой папа! Почему ты так долго не возвращаешься со своей зимовки, ведь давно наступило лето? Я без тебя очень скучаю».

Тут Олежка перестал писать, задумался. А потом снова взялся за дело.

«У меня теперь новые друзья — семеро солдатиков. С ними мне интересно. Одного из них зовут Понедельник. Он не только боец, но и стрижёт. А Вторник всё умеет делать. Среда — добрый, помог мне привести в деревню Прометея. Четверг — разведчик, а ещё он — футболист и обещал меня потренировать. Есть среди солдатиков сын Грузии — Пятница. Он, как ты, радист. У него любимое слово есть: „Рамбавия“. Ты не знаешь, что это означает?»

Олежка снова перестал писать и несколько раз вслух произнёс таинственное слово радиста.

И тут же где-то совсем близко ему отозвался знакомый голос:

— «Оркестр»! «Оркестр»! Я — «Гитара»! Как слышите? Перехожу на приём!

— Солдатики, солдатики, — мои родные братики! — Едва Олежка прошептал заветные слова, как под развесистой тени-

стой грушей он увидел Пятницу. Сын Грузии стоял в наушниках и улыбался.

И вот тут у Олежки родилась дерзкая мысль. Он подошёл к Пятнице и спросил:

— С полком говорите?

— С полком, генацвали... Приказ командира — докладывать.

— И с городом можете?

— И с городом могу.

— И с Москвой?

Пятница ответил не сразу и, только подумав, сказал:

— Если очень важное дело, смогу выйти на связь и с Москвой.

Рамбавия!

И Олежка решился. Он с надеждой посмотрел в глаза Пятнице и спросил:

— А с Ледяным мысом можете выйти на связь?

— С Ледяным мысом, генацвали? Не знаю, никогда не пробовал.

— Там мой папа на зимовке, — пояснил мальчик, — уже давно лето, а он не возвращается.

Пятница задумался. Радист никогда не пробовал разговаривать с такими далёкими уголками земли. Но он не сказал: «Не могу». Он сказал: «Попробую».

Раздался щелчок, и в наушниках послышались свист и треск, словно это свистели полярные ветры и трещали, разламываясь, ледяные торосы.

А Пятница всё вертел ручки, и хлыстик антенны воинственно поблёскивал у подножия груши.

И вдруг радист заговорил:

— Ледяной мыс! Ледяной мыс! Я — Петушки! Как слышите? Перехожу на приём.

Снова завыл ветер и затрещали льдины. И вдруг сквозь все шумы и помехи тоненькой ниточкой потянулся голос:

— Петушки! Петушки! Я — Ледяной мыс! Слышу вас хорошо.

— Это папка! Я узнал его голос! Рамбавия! — воскликнул Олежка. — Можно мне?

И тогда Пятница протянул Олежке большие наушники и поднёс ко рту микрофон. И голос Олежки зазвучал на целых полмира. И папка на зимовке услышал его.

— Зимовка? Ледяной мыс? Я — Петушки! То есть я — Оля! Олег!

Тут Олежка оглянулся и увидел семерых солдатиков. Всё отделение стояло под старой грушей и внимательно наблюдало за встречей сына с отцом. Олежка обрадовался и крикнул, и радиоволна понесла его голос к Ледяному мысу:

— А у меня гости. Мои друзья — семеро солдатиков... Приезжай скорей, я тебя познакомлю с ними.

Олежка разговаривал с отцом, и вдруг перед ним, как на большом экране, возник пустынный, поросший мхом берег без единого деревца, а внизу, сколько хватает глаз, — ледяной океан с бесконечными белыми полями, с дымками ледоколов, которые, как стекло, колют синий лёд, прокладывая путь судам, с белыми медведями, которые бесшумно, как в валенках, бегают по льду, подгоняя своих несмышлёных медвежат... Увидел Олежка и маленький, прилепившийся к скалам домик зимовщиков с большой замысловатой антенной. И папку: в меховой куртке, в унтах, в наушниках, как у Пятницы. Папка улыбался ему и скупно рассказывал — радисты все скупы на слова — о своей полярной жизни. И его голос алой ниточкой тянулся сквозь тундру, леса, поля и озёра, от Ледяного мыса до родных Петушков.

А за спиной папы-радиста стоял большой серебристо-белый медведь.

— У нас на Ледяном мысе всё в порядке. Ожидайте хорошую погоду. На материк идёт лёгкое похолодание... В ближайшее время не вернусь. Заболел сменщик. Оставить пост не могу... Понимаешь, сынок, долг. Долг...

И тут грохот и свист заглушили голос отца. Алая ниточка оборвалась. И туман скрыл маленький домик зимовщиков. Как Пятница

ни старался, как ни крутил все рычажки, Олежкин папа больше не отзывался.

— Кончилась связь! — с досадой сказал Пятница. — Ты уж извини технику, генацвали. — И медленно спрятал антенну.

Олежка вздохнул и опустил голову, словно только что расстался с отцом. А семеро солдатиков стояли рядом под старой грушей и сочувственно смотрели на него. И сержант Воскресенье тихо сказал:

— Хороший у тебя отец.

Пятница не удержался и тоже вставил словечко:

— И радист он... классный.

— Разве он ходит в класс? — удивился Олежка.

— Классный — значит хороший, отличный, — пояснил ему сержант Воскресенье. — Можно ходить в школу и не быть классным, а можно быть классным стрелком, классным мастером...

— А классным человеком можно быть? — спросил мальчик.

Сержант подумал немного и сказал:

— Можно. Вот когда человек выполняет свой долг, он и есть классный.

— Долг... — тихо повторил Олежка.

— А ты знаешь, что такое долг?

Мальчик заметил, что лицо сержанта Воскресенье стало серьёзным, а брови — две строгие чёрточки — поднялись над глазами. И всё отделение внимательно следит за их разговором.

— Знаю, — кивнул головой Олежка. — У нас соседка всё время берёт в долг то луковку, то морковку. Кому же должен папка на своей далёкой зимовке?

— Нет, Олежка, другой долг удерживает твоего отца летом на Севере. Долг перед Родиной. Товарищ болен, отец за него встал на вахту и не может вернуться к тебе в Петушки. А ты говоришь — луковка-морковка.

Олежка посмотрел на стоящих вокруг солдат. Лица их были задумчивы и строги. Наверно, каждый думал о своём долге.

Олежке показалось, что отец его побывал дома и снова умчался на свой Ледяной мыс. Только голос его всё ещё звучал рядом.

— Понимаешь, сынок, долг... долг... долг...

А сержант уже посмотрел на часы и скомандовал:

— Отделение! Становись! Напра-во!

Невидимый оркестр заиграл походный марш. И маленькое войско зашагало в свою часть.

Раньше у Олежки не было никакого дела. А теперь он всё время искал какое-то занятие. Сегодня он взял в руки молоток. В руках Вторника этот молоток проделывал удивительные вещи — с одного удара превращал гвоздь в точку. В руках же Олежки молоток стал тяжёлым и неловким. И вместо гвоздя всё время бил по пальцам. Ой!

Но в Олежке появилось новое для него упрямство. «Если вытащить из гнилых досок все старые гвозди, — повторял про себя мальчик, — и вбить их куда надо, жизнь станет крепче». Ой!

За этим занятием его и застал Зинкин дедушка.

— Сосед, ты, случайно, не видел моего бинокля? — спросил он.

— Не видел, — ответил Олежка и ударил молотком... по пальцу.

— Куда девался мой бинокль, ума не приложу! — вздохнул дедушка. — Я без него как без рук. Вернее, как без глаз... Ты бей осторожней. Гвоздей много, а пальцев на руках только десять... Жаль, если бинокль пропадёт. Память о войне...

И дедушка зашагал прочь. И долго ещё он слышал стук Олежкиного молотка.

Одно солнце плывёт в небе, другое, такое же, только поменьше, — в озере, и от воды идёт пар. Озеро большое, как море. Другой берег еле виден. Называется озеро Белым, хотя вода в нём голубая. У воды растёт бересклет. А местами лежат груды камней.

Они остались с далёких времён. На камнях лежит грязно-розовая надувная лодка. Она похожа на спящего морского льва. Вот-вот проснётся, повернёт громоздкое мягкое тело и тяжело вздохнёт.

Озеро и небо чем-то связаны между собой. Небо голубое, и вода в озере голубая. А когда небо пасмурное, вода в озере серая.

Олежка вышел на берег озера и увидел, как Зинка Пантера и Фомка Горчичник возятся с надувной лодкой, словно будят морского льва. Он молча подошёл к ребятам и стал им помогать подтаскивать лодку к воде.

— Возьмите меня, — сказал Олежка, когда, скрипнув резиновым днищем по песку, лодка соскользнула с берега и закачалась на воде.

— Ты плавать не умеешь, — сказал Горчичник.

— Зачем же мне плавать, если я в лодке буду? — ответил ему Олежка.

— А вдруг упадёшь в воду?

— Вообще-то он быка не испугался, — замолвила словечко за соседа Зинка.

— Бык здесь ни при чём, — стоял на своём Горчичник. — У него мяч хороший. Высшая лига! Дашь нам сыграть?

— Да, — согласился Олежка.

— Тогда залезай. Так и быть!

— Залезай, тебе говорят! — прикрикнула на соседа Зинка Пантера.

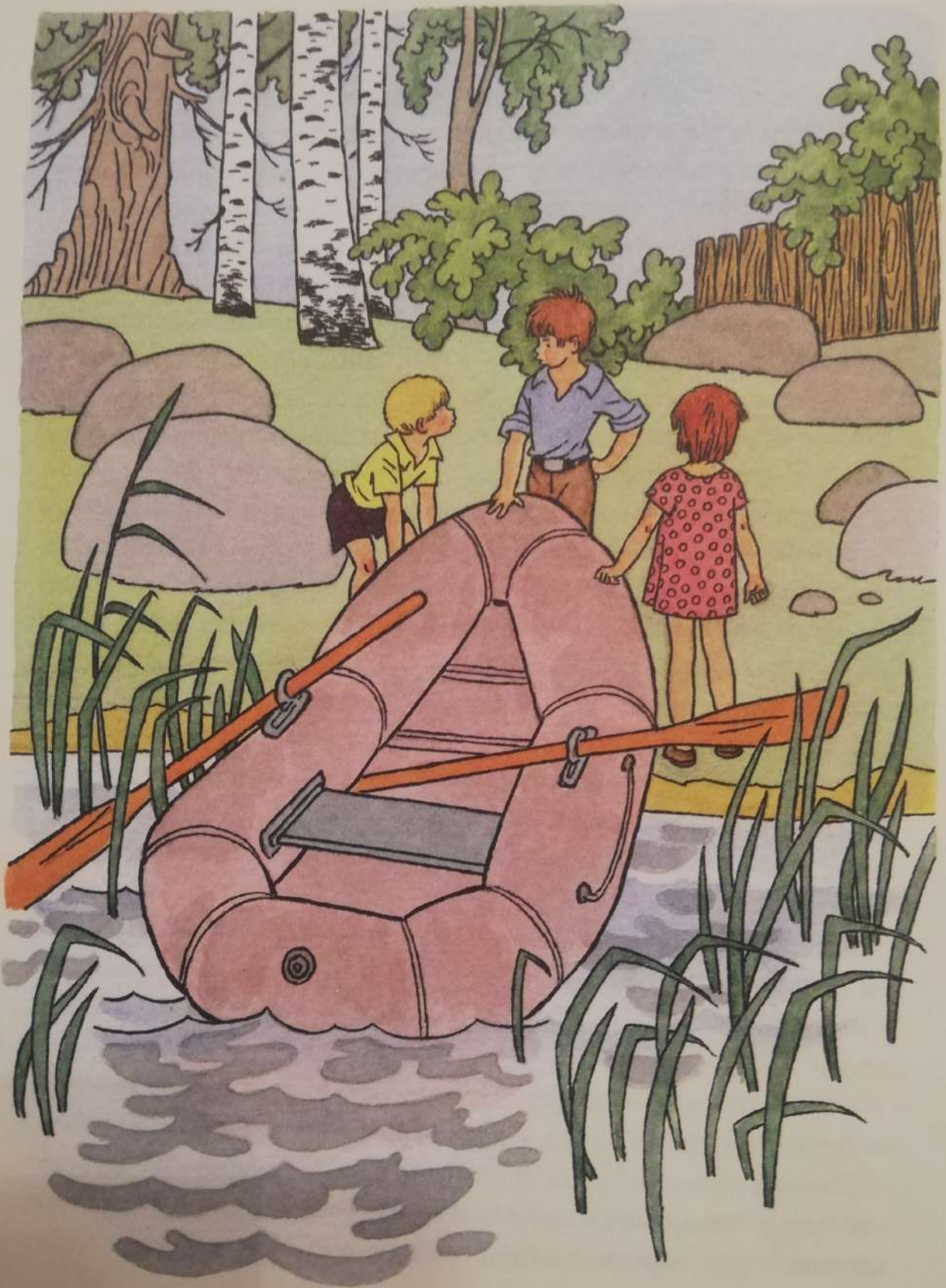
И тут Олежка заметил у неё на груди тяжёлый военный бинокль на тонком ремешке.

— Настоящий? — спросил он, наступая на мягкое дно резиновой лодки.

— Фронтной! — коротко ответила Пантера. — Дедушкин.

Горчичник сел на вёсла. Лодка дрогнула и поплыла.

Олежка сидел на корме, а Пантера расположилась на носу. Она всё время смотрела в бинокль. У неё, наверное, глаза заболели, так много она смотрела в бинокль.

— Тебя дедушка искал, — вдруг вспомнил Олежка. — И бинокль тоже.

— Ничего, — отозвалась Зинка, не отрывая глаз от бинокля, — он каждый день в бинокль смотрит, а я только разок... Дедушка на фронте батареей командовал.

— Смотрел в бинокль на фашистов?

— Корректировал огонь батареи, — пояснила суровая соседка.

— А-а-а... — отозвался Олежка, хотя не понял, что значит «корректировал огонь батареи». И вдруг не выдержал и попросил:

— Дай разок взглянуть.

Пантера ничего не ответила, как бы не расслышала просьбу соседа.

— Только разок, — попросил он.

— Смотри у меня, Комарище, — наконец выдохнула она. — Головой отвечаешь!

Олежка тут же протянул руку за биноклем.

И надо было такому случиться, что Горчичник бросил вёсла и сказал:

— Буду купаться! Нырну!

Не дожидаясь одобрения товарищей, он скинул рубашку, штаны и встал. Лодка закачалась. Но Олежка не заметил этого, он уже прижал к глазам старый военный бинокль, и далёкий берег стал близким.

И вот тут Горчичник прыгнул. Лодка резко наклонилась. Олежка вскрикнул, двумя руками ухватился за мягкий резиновый борт и только на мгновение забыл о бинокле. Фронтальной бинокль Зинкиного дедушки выскользнул из рук и пошёл на дно.

Когда Горчичник скрылся под водой и лодка перестала качаться, Пантера посмотрела на Олежку и с испугом спросила:

— Где бинокль?

— Не... не знаю. Только что был, — заикаясь от волнения, сказал Олежка и стал искать пропажу на дне лодки.

Но там бинокля не оказалось.

— Ты утопил дедушкин полевой бинокль, — мрачно сказала Пантера. — Я теперь знаешь что с тобой сделаю?!

И она тут же вцепилась в волосы растерявшегося мальчика. Когда Горчичник вынырнул, в лодке шла настоящая битва. Лодку бросало из стороны в сторону. И оттуда доносились крики.

— Отпусти, Пантера!

— Вот тебе за бинокль... Вот тебе за Пантеру!

Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы Горчичник не забрался в лодку и не растащил дерущихся в разные стороны.

Весь обратный путь в лодке царило безмолвие.

Когда лодка уткнулась носом в берег и снова превратилась в спящего морского льва, Пантера с угрозой в голосе сказала:

— Хоть из-под земли доставай бинокль.

— Зачем же из-под земли, если он под водой, — усмехнулся Горчичник.

Ребята ушли. Олежка сел на бережок и загрустил. Он смотрел вдаль, где серебристая вода Белого озера сливалась с синевой неба. И так ему было нехорошо и одиноко!

Вскоре за его спиной послышался знакомый голос:

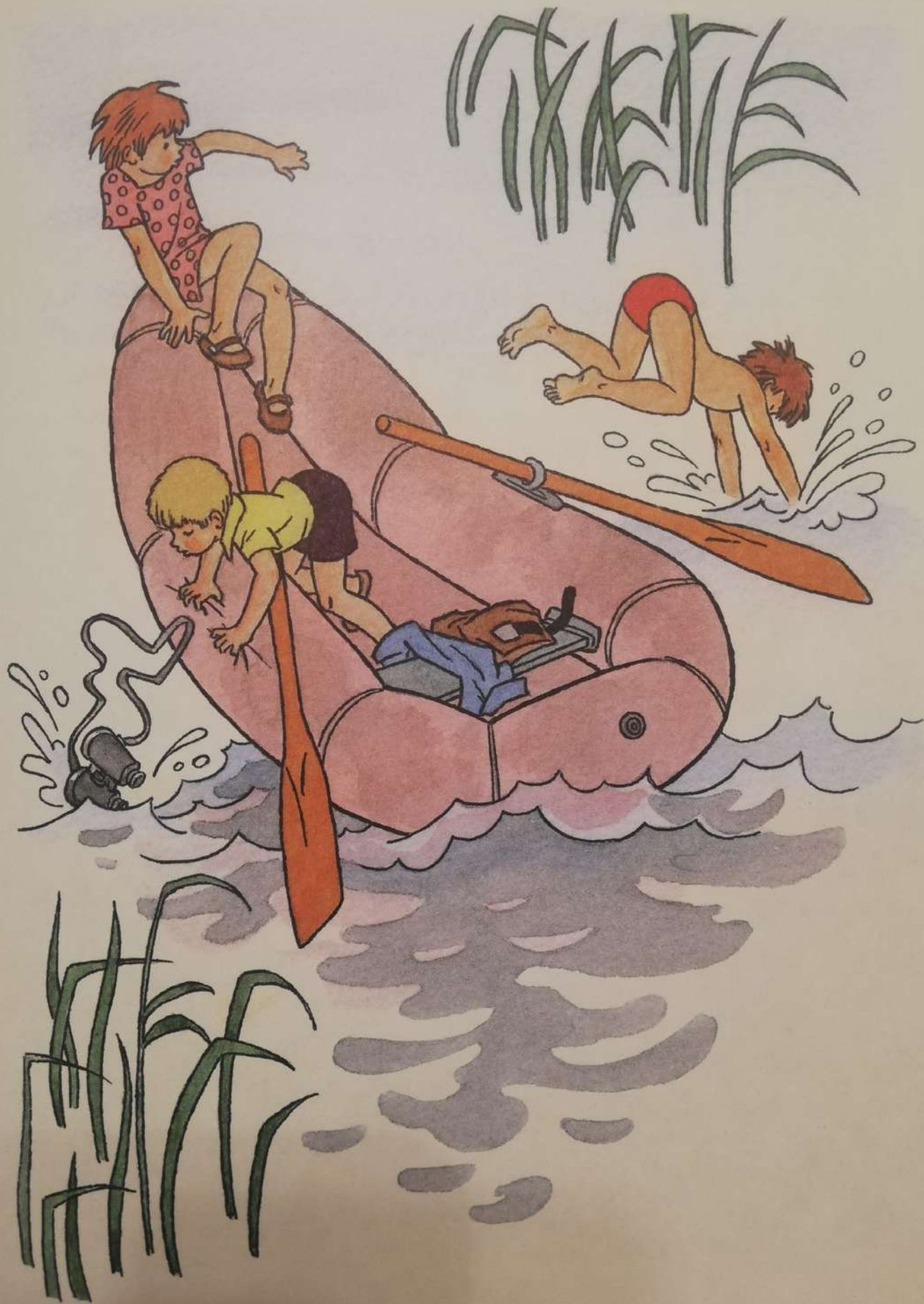
— Эй, сосед, ты Зинаиду не видал?

Олежка оглянулся. На берегу стоял Зинкин дедушка в неизменной гимнастёрке с медалью на выцветшей ленточке. Только бинокля на его груди не было.

— Запропастилась где-то, негодница, — продолжал дедушка, — и бинокль пропал. Я его на гвоздик повесил, а он как в воду канул.

— В воду канул, — прошептал Олежка, и краска стыда обожгла его лицо.

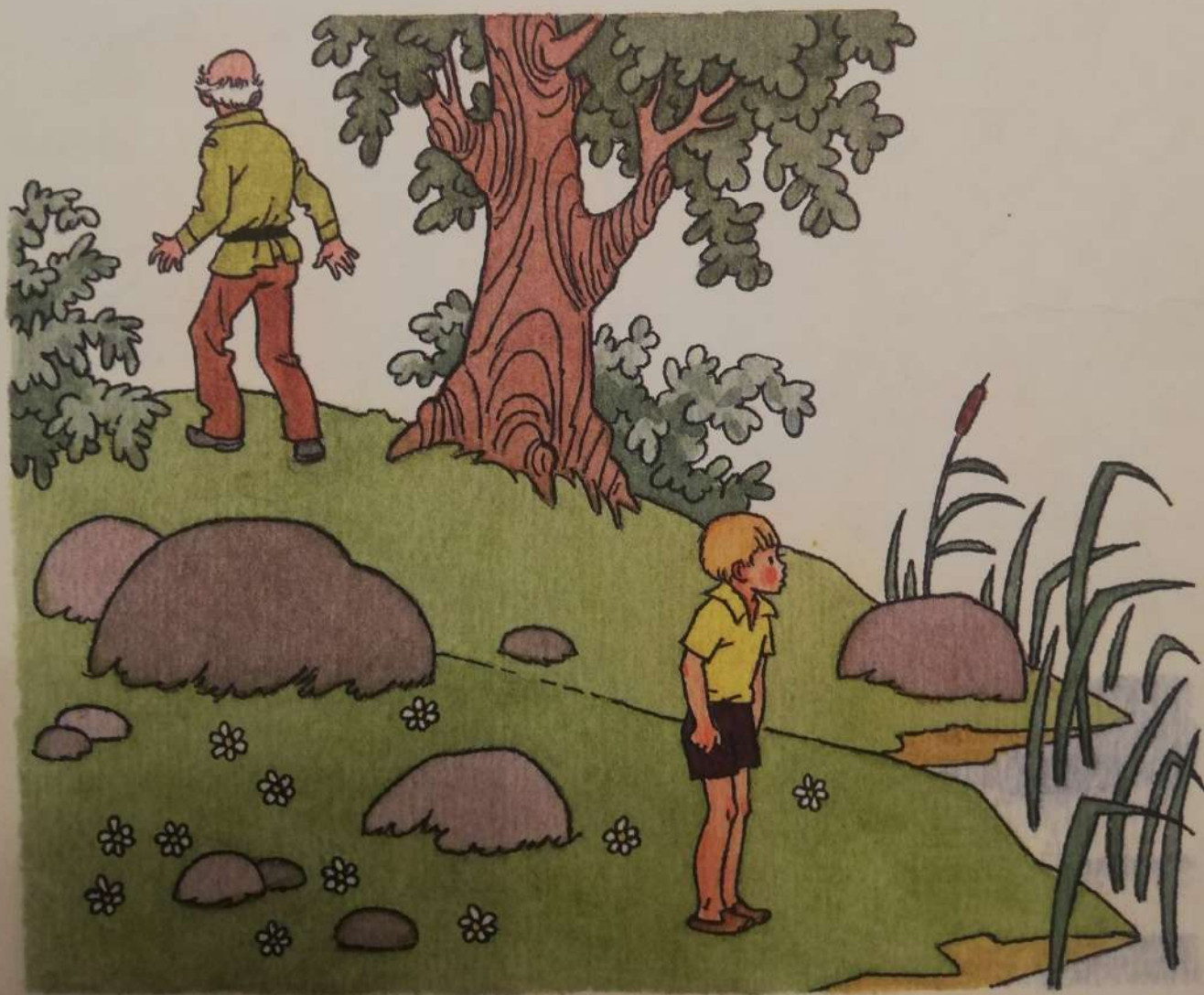
Дедушка зашагал дальше — пошёл искать свою незадачливую внучку, а Олежке стало ещё тяжелее. И вдруг он вскочил на ноги. «Надо спасти бинокль! Это, наверно, и есть мой долг. Не луков-

ки-морковки, а настоящий долг. Если бы сейчас появились друзья-солдатики! Ведь сержант Воскресенье обещал: „Мы всегда будем рядом... и в трудную минуту придём“. Сейчас и есть трудная минута! Солдатики, солдатики, — мои родные братики!»

Последние слова Олежка произнёс вслух.

И в ту же минуту послышался нарастающий гул, и на озере запенился маленький белый бурун. Сперва Олежка не понял, что́ это значит, но через некоторое время гул стал громче, а движущийся бурун превратился в быстроходное судно. Но судно это было необычным. Оно почти не касалось воды, а как бы летело над озером. Гул становился сильнее. Плотный воздух давил на грудь. Олежке казалось, что судно летит прямо на него, и он даже попятился.

Но у самого берега грохот двигателей оборвался. Скрипнуло днище. Судно закачалось на мелководье, как простая лодка, задевая бортом сухие стебли камыша. На борту судна стояли его друзья.

— Здравствуй, Олечка! — крикнул сержант Воскресенье.

И Олечка по-военному ответил:

— Здравия желаю, товарищ сержант!

— Что-то ты не весел, — сказал разведчик Четверг. — Стряслась беда?

И тогда Олечка, переступая с ноги на ногу, спросил:

— А верно, что солдаты всё могут?

— Солдаты могут всё! — был ответ разведчика.

— Если солдату что-нибудь надо, он из-под земли достанет, — поддержал товарища Пятница.

— А из-под воды может достать? — с опаской спросил мальчик.

— Из-под воды? — Четверг задумался, а потом с уверенностью сказал: — И из-под воды тоже может.

— А нельзя ли достать бинокль Зинкиного дедушки... из-под воды? Я выронил...

Солдаты переглянулись. И добродушный Среда ответил как бы за всех:

— Можно!

— Если командир прикажет, — добавил Четверг.

И все посмотрели на сержанта Воскресенье.

— Военное имущество надо беречь, — строго сказал сержант. — А если оно попало в беду, надо выручать. Готовься, Олежка. Пойдём под воду.

Ответ командира озадачил Олежку, и он сказал:

— Я не умею... плавать.

Но тут разведчик Четверг отозвал Олежку в сторону и таинственно сказал:

— Ты умеешь плавать.

— Да нет же! — воскликнул мальчик. — Никогда не пробовал.

— Правильно! Не пробовал, а говоришь: «Не умею». Я тебе скажу по секрету: каждый человек умеет плавать, только он не знает об этом.

— И я... умею? — неуверенно спросил мальчик.

— Чем ты хуже других? Я тебе помогу.

— И я смогу... под воду?

— Сможешь, раз это твой долг.

— А без меня нельзя?

И тогда сержант сказал слова, которые Олежка запомнил на всю жизнь:

— Каждый человек должен сам выполнять свой долг. И в этом у него нет замены. Принимай решение!

Семеро солдат стояли и ждали, какое решение примет их маленький друг.

«Это твой долг... долг... долг...»

Олежка поднял голову, посмотрел в глаза сержанту и сказал:

— Я решил. Надо идти.

— Ты принял правильное решение. — Сержант с уважением посмотрел на мальчика. И скомандовал: — Отделение, надеть лёгкие водолазные костюмы. Приготовиться к подводной разведке!

В следующее мгновение всех солдат словно подменили — они стали неузнаваемыми. Вместо обычной формы на них были резиновые тёмно-зелёные костюмы, на ногах вместо сапог — ласты, на спине — ранцы с дыхательной смесью, а на головах — шлемы с круглыми очками.

Олежке даже стало не по себе, словно вместо своих добрых друзей он увидел каких-то странных существ, обитающих под водой. Или инопланетян. Но главное, сам Олежка был в лёгком водолазном костюме, плотно облегающем тело. В таком наряде даже мама не узнала бы его.

Только сержант Воскресенье ещё не надел маску и был похож на себя.

Но вот он скомандовал: «За мной! Шагом марш!» — натянул маску и первым вошёл в воду.

Под водой было темно, как в сумерках. И чем глубже погружалось отделение, тем становилось темнее.

Олежка двигался рядом с сержантом и, чтобы не отстать, незаметно держался за него рукой. От дыхания гроздь маленьких пузырьков убегали вверх. Там был день, а здесь уже наступил вечер.

Мимо самых глаз проплывали большие серебристые рыбы. А стаи мальков вспыхивали и гасли, как серебряные искры.

Дно было мягким, будто кто-то расстелил пушистый ковёр. Олежка двигался опасливо, точно боялся наступить на что-то острое.

А потом стало совсем темно. И Олежке вдруг показалось, что они плывут так долго, что уже наступил поздний вечер и в небе зажглись звёзды.

В руке сержанта вспыхнул фонарь. Его сильный луч как бы раздвинул толщу тёмной воды и расстелил по дну жёлтую дорожку.

Разные предметы высвечивал фонарь: старый ботинок, чайник без носика, оборванный якорь-кошку, затонувшую лодку... Чего

только не попало на дно озера! А бинокля всё не было. Может быть, его заволокло илом?

Олежка совсем отчаялся, когда вдруг на жёлтой дорожке что-то блеснуло. Олежка нырнул вперёд, нагнулся и увидел бинокль Зинкиного дедушки. Бинокль лежал на мягком тёмном иле, и, если бы стёклышко не отразило света фонаря, разведчики проплыли бы мимо. Олежка осторожно взял находку в руки. Бинокль оказался очень лёгким — ведь в воде все предметы становятся легче.

— Нашёлся! Бинокль нашёлся! — крикнул Олежка и плавными, медленными прыжками приблизился к сержанту. — Вот!

— Значит, подводный поиск закончился успешно, — сказал сержант и, похлопав маленького водолаза по плечу, командовал:

— Отбой! Приготовиться к возвращению на берег!

И в этот момент мальчик почувствовал удивительную лёгкость, как космонавт в невесомости.

Солдаты двинулись к берегу. Гирлянды пузырьков, как огоньки салюта, устремились ввысь. А Олежка вдруг почувствовал, что он не идёт, а плывёт, — значит, он умеет плавать!

Тут Олежка поднёс к глазам бинокль и увидел какую-то большую тёмную рыбу, которая замерла, уткнувшись носом в зелёный ил.

— Рыба! — воскликнул мальчик. — Огромная рыба!

И он поплыл к новой находке.

— Наверное, сом, — сказал Среда, — у нас в реке встречались огромные сомы...

Но Олежка уже не слышал его. Он подплыл к таинственной рыбе и... сел на неё верхом.

Он думал, что рыба сейчас проснётся, встрепетается и помчится вместе с ним по подводному царству. Но рыба даже не шелохнулась. «Странно!» — подумал мальчик и легонько похлопал по рыбьему боку. Рыба сохраняла неподвижность. Тогда Олежка стал колотить по рыбе руками и ногами — рыба спала как убитая. Только в подводном безмолвии послышался глухой звон.

— Олежка! — позвал сержант Воскресенье. — Где ты?

— Я на рыбе, — ответил мальчик. — Она железная.

— Железная? — удивился сержант и поплыл к мальчику.

И вдруг голос сержанта дрогнул и зазвучал тревожно:

— Олежка! Что ты делаешь? Сейчас же слезай с... рыбы!

И когда мальчик слез со спящей железной рыбы, сержант сказал:

— Это не рыба. Это — бомба.

— Бомба? — переспросил мальчик и почувствовал, как ноги его слабеют.

— Самая настоящая. Фашистская. Если она взорвётся, от Петушков останется мокрое место.

— А от нас? — поинтересовался мальчик.

— От нас даже мокрого места не останется, — ответил сержант и подал команду: — Отделение! Боевая тревога! Положение номер

один! Обнаружена старая, неразорвавшаяся бомба!.. Рядовой Пятница, ко мне!

Вместе с Пятницей к командиру приплыло всё отделение.

Тут только до сознания мальчика дошло, что старая бомба в любое время может взорваться. Столько лет лежала тихо, никто её не тревожил, а теперь... Олежке стало не по себе. Ему хотелось отойти подальше от опасного соседства. Но, посмотрев на стоящих рядом солдат, он понял, что им тоже страшно, но они не пьются, держатся молодцами.

— Рядовой Пятница по вашему приказанию... приплыл! — доложил сын Грузии.

— Немедленно выбросьте антенну-буёк. Сообщите «Оркестру» о происшествии. Пусть высылают сапёров!.. А до берега мы сами доставим нашу находку.

— Тяжёлая, — глядя на бомбу, прикинул Четверг.

— Так и нас немало — семеро! — сказал сержант.

— Нет, восемь, — неожиданно поправил его Олежка.

— Откуда ещё один взялся? Ты считал? — улыбнулся Понедельник.

— Считал.

— Кто же восьмой? — спросил Среда.

— Я! — ответил Олежка. — Я — восьмой!

Под водой всё замерло.

— Бомба в любую минуту может взорваться, — тихо, но твёрдо сказал сержант.

Но эти слова не испугали мальчика:

— Когда мне бывает трудно, вы всегда приходите мне на помощь. Товарищ сержант, разрешите обратиться?

— Обращайся, Олежка.

— Разрешите остаться в строю.

И тут солдаты окружили командира, и каждый из них внимательно посмотрел в глаза сержанту. Если бы было можно, то они

сказали бы: «Он настоящий парень! С таким можно идти в разведку!» Но они молчали, потому что в армии не полагается подавать советы командирам.

Однако сержант хорошо знал своё маленькое войско и понял, о чём оно думает в эту минуту. Он сказал:

— Был бы Олежка трусоватым, ни за что не разрешил бы. Но он настоящий боец, хотя и маленький. Становись в строй, Олег Комаров! А теперь все отойдите на сорок шагов, я должен обследовать бомбу.

Бойцы неохотно отошли, а командир склонился над старой бомбой.

Время тянулось медленно. И было так тихо, словно всё вокруг было мёртвым.

«Вдруг взорвётся... Вдруг взорвётся...» — думал Олежка, но тут же отгонял от себя тревожную мысль.

А в это время антенна-буёк уже всплыла на поверхность, и со дна Белого озера в полк полетело тревожное сообщение.

— «Оркестр»! «Оркестр»! Я — «Гитара»! На дне озера обнаружена фашистская бомба. Высылайте на берег сапёров! Как слышите? Приём!

Наконец сержант освободил бомбу от песка и ила. Подводные разведчики подняли её на плечи и зашагали к берегу. Они шли осторожно, боясь разбудить её. А со стороны, наверное, казалось, что они поймали в озере большую диковинную рыбку.

В подводном царстве становилось всё светлее. Словно ночь кончилась, и рождался день.

Олежка слышал, как громко стучит его сердце.

На берегу бомбу поджидала бронированная машина с песком и отделение сапёров. Солдаты осторожно подошли к машине и ещё осторожнее положили притаившуюся бомбу в песок.

Машина тронулась.

Семеро десантников и их маленький друг стояли на берегу.
— Снять водолазное снаряжение! — скомандовал сержант, и, хотя команда была обыкновенной, голос сержанта звучал радостно.
Олежка быстро стянул маску и сбросил на землю тяжёлый ранец с воздухом. В лицо ему ударило солнце, запахло свежей травой, а где-то далеко в деревне запел петух.

Олежке показалось, что он был в далёких краях и вот наконец после трудной и опасной дороги вернулся домой. Он вздохнул полной грудью и крикнул:

— Рамбавия!

— Рамбавия! — отозвался ему сын Грузии.

А командир положил руку на плечо мальчику, отвёл его в сторону и сказал:

— Молодец, Олег! Принял смелое решение. Выполнил свой долг. И бомбы тоже не испугался.

А Олежка прижимал к груди бесценную находку — бинокль Зинкиного дедушки. Ему казалось, что под воду он ушёл одним человеком, вернулся же совсем другим: сильным, самостоятельным.

— Повезли нашу красавицу в последний путь! — сообщил Среда, глядя вслед бронетранспортёру с бомбой.

— Крепко спит, — заметил Четверг, — не подаёт голоса.

— Ей рано подавать голос, — задумчиво сказал Понедельник и гребёнкой прошёлся по своим мягким волосам. — Вот довезут её до карьера...

— Докладываю, — услышался голос Олежки, который наблюдал за уезжающей бомбой в бинокль Зинкиного дедушки. — Бронетранспортёр с бомбой обогнул озеро и повернул в сторону леса.

Тем временем Олежкины друзья из инопланетян превратились в обыкновенных военных: надели сапоги с подковками, затянули гимнастёрки ремнями, поправили голубые береты десантников.

И только Олежке не хватило ни гимнастёрки, ни яловых* сапог, ни голубого берета со звёздочкой. И рядом с бравыми солдатиками он выглядел как-то сиротливо. А ведь вместе смотрели в лицо опасности и вместе не отступили перед ней.

Солдатики чувствовали неловкость и старались не смотреть в глаза Олежке.

И тогда молодой необученный Суббота тихо сказал товарищам:

— Давайте усыновим Олежку до возвращения отца. Пусть он будет сыном полка.

— Я буду стричь его каждую неделю, — предложил Понедельник.

— У нас своих детей нет — вот будет... — сказал рассудительный Вторник.

— Мы с ним в баню будем ходить, — улыбнулся Среда и потрогал усы. — В парное отделение, с берёзовым веником.

— Он раньше не знал, что смелый, а теперь знает, — сказал разведчик Четверг. — С таким можно идти в разведку.

— Генацвали! О чём вы говорите! Это прекрасно — иметь такого сына. Рамбавия! — воскликнул сын Грузии.

Последнее слово было за командиром, а сержант всё медлил с ответом, всё думал. Наконец он поправил ремень и сказал:

— Конечно, Олежка достоин быть сыном полка. Но это должен решать командир полка. А я — командир отделения.

Наступила тишина.

И тут молодой необученный Суббота сказал:

— Слово командира — закон. Пусть Олежка Комаров будет сыном отделения!

На строгом лице сержанта Воскресенье появилась улыбка, и он решительно махнул рукой: да будет так!

Олежка покраснел от радости. Глаза его загорелись, как два синих огня. И в ту же минуту он почувствовал запах новенькой

---

* Яловый — изготовленный из шкуры молодой коровы.

гимнастёрки и приятную тяжесть солдатских яловых сапог. И когда поднёс руку к голове, нащупал холодную звёздочку на голубом берете десантника. А на груди его висел бинокль Зинкиного дедушки.

И, почувствовав себя солдатом, Олежка спросил:

— Оружие мне дадут?

— Обязательно! — ответил сержант.

— Автомат? Пистолет? — Маленькому солдату не терпелось выяснить, какое ему полагается оружие.

Но сержант покачал головой.

— Мы дадим тебе наше главное оружие — справедливость.

Справедливость? Может быть, сержант ошибся? Но командиру не положено ошибаться.

— Да, справедливость, — повторил он. — Мы защищаем родную землю, а что может быть справедливее этого? Когда человек делает справедливое дело — он непобедим. Наша главная сила — справедливость. Она делает нас непобедимыми.

Боевые друзья стояли рядом и улыбались. А Олежка прижимал к груди старый бинокль, и сердце его стучало от радости. Где-то совсем близко звучал голос радиста Пятницы:

— «Оркестр»! «Оркестр»! Я — «Гитара»! Как слышите? Задание выполнили!

И тут на берегу появился Фома Горчичников. Он шёл, закатав до колена штаны, и, хотя дождя не было, на плече у него лежал зонтик. Олежка довольно дружелюбно окликнул своего недруга:

— Эй, Горчичник!

Увидев Олежку в форме десантника, Горчичник остановился, и лицо его вытянулось от удивления.

— Ты теперь... тоже... военный?

— Сын отделения крылатой пехоты! — чётко выпалил Олежка. — Вот бинокль. А ещё мы нашли на дне озера старую бомбу. Взорвётся — от Петушков мокрое место останется.

— Я пойду, пожалуй, — сказал Горчичник.

— Не бойся. Её увезли далеко. Эва-ку-и-ро-ва-ли! Скоро салют будет.

И тут сержант Воскресенье пальцем поманил к себе Горчичника:

— Здравствуй, ты Фома Горчичников?

— Я...

— Послушай, Фома Горчичников, говорят, ты обижаешь нашего бойца?

— Не обижаю, — заканючил Горчичников. — На лодке катал...

— И я так думаю, — поддержал его сержант, — не представляю, как это можно обидеть нашего товарища... И самокат ты у него не отнимал?

— Не отнимал, — поспешил ответить Горчичник. — Это он врёт... я... только один раз... отнимал...

— Во-первых, — перебил его сержант, — советские солдаты и их друзья не врут. Во-вторых, всё имущество солдата есть военное имущество. Можно сказать — боевая техника. Верно?

— Верно, — беспрекословно согласился Горчичник.

— А прикасаться к боевой технике может только кто?

— Солдат! — чётко отрапортовал Горчичник.

— Ты, оказывается, всё понимаешь, — похвалил его сержант. — А раз понимаешь, то и вывод для себя сделаешь правильный.

— Сделаю... правильный... Так точно, товарищ начальник.

— Не начальник, а сержант, — поправил его Олежка.

Но сержант укоризненно посмотрел в его сторону — мол, разговорчики в строю!

— Будь здоров, Горчичников, — сказал сержант. — Подрастёшь, придёшь на службу, встретимся. Ведь ты в десантные войска пойдёшь?

— В десантные. Я с крыши знаете как прыгаю! И крапивы не боюсь.

— Вот с крыши не надо, — предупредил его сержант, — а то поломаешь ноги и не сможешь стать десантником.

— Так я с зонтиком... вместо парашюта, — ответил Горчичник и поспешно раскрыл зонтик.

— Потерпи, будет у тебя настоящий парашют. А в трудную минуту приходи на помощь Олегу Комарову.

— Приду... Комарову на помощь, — пробормотал Горчичник. И он торопливо зашагал вдоль берега, высоко над головой держа зонтик.

А когда фигура с зонтиком скрылась за кустами бересклета, сержант сказал:

— Что ж, Олежка, пора тебе до конца выполнить долг — вернуть бинокль старому фронтовику.

— Товарищ сержант, ведь это тоже настоящий долг, а не луковки-морковки?

— Настоящий, — кивнул сержант и скомандовал: — Отделение! Становись! Сын отделения Комаров, а тебя команда не касается?

— Мне тоже... можно? — робко спросил Олежка.

— Не можно, а положено. Сын отделения Комаров, встать в строй!

— Слушаюсь!

Олежка встал рядом с Субботой. Невидимый оркестр заиграл марш, и отделение зашагало в Петушки.

Как приятно ощущать тяжесть настоящих солдатских сапог, чувствовать тугий ремень и рукой нащупывать сдвинутый набок голубой берет десантника.

Раз-два, левой! Раз-два, левой!

Так Олежка дошёл до ворот своей соседки — Зинки Пантеры. Возле калитки он, как сержант Воскресенье, одёрнул гимнастёрку, поправил берет, чтобы звёздочка была над переносицей, и оказавшейся в кармане бархоткой, как сержант, навёл на сапогах глянец. Только после этого распахнул калитку.

— Разрешите?

Зинка сидела на крыльце и перебирала чернику. Губы у неё были чёрные, потому что половина ягод попадала ей в рот. Увидев маленького солдата, Зинка встала и от неожиданности открыла рот.

— Здравствуйте, — сказал Олежка.

— Здравсти... Проходите, пожалуйста.

Трудно было себе представить, что эта застенчивая девочка ещё недавно была грозной Пантерой, которая терзала Олежку.

— Вот фронтовой бинокль вашего дедушки, — отрапортовал Олежка и протянул подводную находку. — Возвращаю в сохранности.

От бинокля пахло тинной. Но Зинка прижала его к груди, словно побывавший на дне озера бинокль стал ей ещё дороже.

— Спасибо, — сказала она и покраснела. — Это вы сами... нырнули за ним?

— Не нырнул, а был в подводной разведке... вместе со всем отделением.

— Страшно... там? — поинтересовалась Зинка.

— Опасно, — сдержанно ответил мальчик. — И трудно было обнаружить предмет... — Вместо «найти» он сказал по-военному «обнаружить». — Обстановка была сложной... Понимаете?

Зинка ничего не понимала, но кивала головой. Она всё время поправляла платье и впервые в жизни стеснялась своего маленького соседа, который превратился в настоящего солдата. Он говорил, а она смотрела на него с любопытством и восторгом и прижимала к груди бинокль, пахнувший тинной.

В их отношениях произошли какие-то удивительные перемены, они как бы повзрослели, а главное, стали уважать друг друга. И не стовариваясь называли друг друга на «вы».

— Военное имущество надо беречь. — Олежка произнёс эти слова так строго, как будто не он, а сама Зинка утопила бинокль в озере.

— Буду... беречь, — послушно пообещала Зинка, и её слова прозвучали как клятва.

— Разрешите идти? — спросил Олежка Зинку и, как настоящий военный, приложил руку к краю берета.

— Может быть, поедите черники? — Зинке не хотелось отпускать дорогого гостя.

— Спасибо. У меня кончается время. В другой раз. — Олежка поправил голубой берет.

— Заходите, когда сможете, — пригласила маленького солдата Зинка.

— Так точно! — ответил Олежка. — Рамбавия!

— Рамбавия, — прошептала Зинка.

Это слово для неё ровно ничего не значило, но это было его слово, и девочка запомнила его на всю жизнь.

А Олежка щёлкнул каблуками, повернулся через левое плечо и, печатая шаг, зашагал к калитке.

Неожиданно Зинка окликнула Олежку:

— У вас какое звание?

— Сын отделения, — чётко ответил Олежка.

— А можно стать дочерью отделения?

— Не знаю, — честно признался маленький солдат.

— Вы спросите у сержанта... Я буду стараться.

Олежка на мгновение задержался, подумал и дал Зинке ценный совет:

— Напишите письмо в газету.

И тут раздался взрыв. Земля вздрогнула. Воздух стал плотным. Край тёмного облака покраснел, как от ожога. По озеру прошла волна.

— Ой! — испуганно воскликнула Зинка. — Что это? Война?

— Сапёры взорвали бомбу, которую мы нашли на дне озера, — ответил маленький солдат.

— Что теперь делать? — растерянно спросила девочка.

— Соблюдать спокойствие! — ответил Олежка и заторопился к своим друзьям-солдатам.

А люди выбегали из домов и с тревогой смотрели в ту сторону, откуда донёсся грохот взрыва. Никто не знал, что случилось. Может быть, война заглянула в наш мирный дом?

В эту минуту все вспомнили защитников Родины и, словно на одном дыхании, прошептали заветные слова:

— Солдатики, солдатики, — родные наши братики!

И семеро солдатиков появились на околице.

Раз-два, левой! Раз-два, левой!

Отделение шло по главной улице, а перед каждым палисадником на скамеечке сидели старые люди в военной форме, с орденами и медалями, принесёнными с войны. Среди них был и Зинкин дедушка — в поношенной гимнастёрке с медалью на выгоревшей ленточке, и на груди у него висел полевой бинокль. И было непонятно, то ли они только что вернулись с войны, то ли, услышав взрыв, собрались, как по тревоге.

Войско сержанта Воскресенье было невелико: семеро солдатиков да сын отделения — Олежка. Но оттого, что они прошли по Петушкам, людям стало спокойнее.

Заканчивался последний день недели.

Солнце село, и сразу вокруг стало много синего света. Трава стала синей, и деревья, и дороги. Это вечер принялся перекрашивать мир в тёмный, ночной цвет. И только высоко в небе сверкал маленький, кажущийся игрушечным самолётик, и его след, дугой пересекающий небо, золотился в лучах: на земле уже настал вечер, а там, в высоте, был ещё день и светило солнце.

Сержант Воскресенье всё чаще поглядывал на часы. Его прямые, без изгиба, брови сдвинулись, сошлись на переносице, и лицо стало не строгим, а задумчивым. Понедельник, сидя на ступеньке крыльца, кормил кур, и те копошились вокруг него, словно искали жемчужное зерно. Вторник что-то вырезал ножом из деревянной чурки: его руки ни минуты не могли быть без дела. Четверг гладил щенка, который примостился у его ног. Суббота печально смотрел на Олежку и вспоминал своего младшего брата. А сын Грузии, радист Пятница, что-то нашёптывал в свою рацию с блестящим

хлыстиком, и, кроме позывных «Оркестр» и «Гитара», можно было расслышать его любимое словечко «рамбавия», которое он не умел произносить тихо. А Среда сидел на скамеечке и закручивал в колечко тонкий ус.

— Эх ты, сеголеток*, — говорил он Олежке, — ничего-то ты не понимаешь. Тебе кажется, что жизнь начинается с твоего прихода, а до тебя вокруг было сонное царство. Нет, друг Олежка, тебя поджидая, жили... И между людьми, знаешь, есть своя природная связь. Вот видишь, ты напомнил Субботе младшего брата. И вы неожиданно стали братьями. А для нас ты стал сыном. Интересно устроен мир.

Олежка внимательно слушал Среду. Он думал, как изменилась его жизнь после того, как семеро солдатиков стали его друзьями. «Нет, я познакомился не с ними, а с самим собой. Сам себе сказал: „Здравствуй!“ До этого дня я совсем не знал себя. Не знал, что не испугаюсь старой бомбы, а грозный Прометей послушно пойдёт за мной. Теперь я понимаю, что бывает разный долг, а не только луковки-морковки. И Зинка относится ко мне с уважением и, как взрослого, называет на „вы“. Недавно я был Олей, а теперь Олег Комаров, сын отделения. Рамбавия!»

Всё это Олежка рассказывал своим друзьям, только не вслух, а про себя. И вдруг в темнеющее небо с несколькими звёздочками, оставляя красный след, взвилась ракета.

— Ракета! — Олежка вскочил с места и побежал на середину двора. — Ракета летит в космос!.. Самочувствие космонавтов нормальное!

Но ракета, долетев до зенита, обожгла попутное облачко и остановилась, замерла, а потом погасла.

— Нам пора, — сказал сержант Воскресенье. — Ракета — сигнал командира.

---

* Сеголеток — животное, родившееся менее года наад.

И Олежка почувствовал, как защемило сердце. Ему захотелось крикнуть: «Не уходите! Оставайтесь со мной навсегда! Мне с вами хорошо!» Но он был теперь не Олей, а Олегом и не стал просить о невозможном. Только опустил голову и тихо, словно стыдясь самого себя, попросил:

— Спойте мне колыбельную песню.

Солдаты переглянулись, а сержант Воскресенье сказал:

— Мы не знаем колыбельных, мы поём только строевые песни.

— Тогда спойте строевую.

— Мы споём тебе нашу строевую, как поют колыбельную, — пообещал Олежке Суббота.

Сержант Воскресенье скомандовал:

— Отбой!

И мальчик нехотя пошёл в дом.

Олежка быстро разделся и лёг в постель, но некоторое время он ещё чувствовал запах новой гимнастёрки и приятную тяжесть яловых сапог.

Он лежал и думал об удивительной неделе, которая подошла к концу. Подошла к концу, но не кончилась. Эта неделя навсегда останется с Олежкой.

Когда мама заметит перемены, происшедшие с ним, и спросит: «Что это ещё за военный в доме?» — Олежка ей ответит: «Сын отделения и твой сын. Только не называй меня Олей, я же мальчик. А папа у нас хороший и живёт на зимовке летом, потому что у него долг. Не маленький долг, не луковки-морковки, а долг перед Родиной».

А с улицы доносилась тихая солдатская песня.

Олежка не заметил, как уснул. Ему снилось золотистое ржаное поле, а среди колосков синели васильки. Да нет же, это были не полевые цветы, а синие береты его друзей-солдатишек... «Солдатишки, солдатишки, — мои родные братишки!»

Олежка спал. А рядом на стуле лежала аккуратно сложенная военная форма, а на полу стояли сапоги — пятки вместе, носки врозь.

Маленькое войско попрощалось с сыном отделения и на носочках вышло со двора. И зашагало в свою часть, чтобы доложить командиру, что особое задание выполнено. А строевую песню они пели тихо, как полагается петь колыбельную.

И когда они ушли, военная одежда мальчика превратилась в самую обыкновенную, а вместо сапог с подковками под стулом появились сильно потёртые тапочки.

Это превращение произошло как в сказке. А в остальном в моём рассказе ничего сказочного нет.

Для детей младшего школьного возраста

Руководитель проекта Г. Пырьева
Ответственный редактор О. Василиади
Художественный редактор В. Беляева
Корректор Е. Серебrenикова
Вёрстка, обработка иллюстраций М. Дёминой
Руководители издательства:
Л. Янковский, И. Костромитин

Подписано в печать 11.07.2016
Формат 84x108/16
Гарнитура FuturaBook
Усл. печ. л. 7,56
Тираж 5000 экз.
Заказ № 1552/16

ООО «Издательство «Речь»
199178, Санкт-Петербург, а/я 96
Тел.: (812) 323-90-63
Телефон московского представительства:
(495) 621-55-97
rech@rech-deti.ru
www.rech-deti.ru

По вопросам оптовых закупок обращаться
по телефону: (812) 323-90-63
или по электронной почте: rech@inbox.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО «Парето-Принт»:
170546, Тверская область, Промышленная зона
Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-9268-2201-1

6+

9 785926 822011